

Библиография

Северокавказская экспедиция 1923 г. // Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 133 а.

Миллер А.А. Жертвенные предметы из осетинских дзуаров // Материалы по этнографии России. 1926. Том 3. Вып. 1. С. 85–93.

А.Р. Ихсанов

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ И ИМИДЖ СОВРЕМЕННОЙ ТУРКМЕНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Средняя Азия является перекрестком культур, что способствовало развитию феномена среднеазиатского синкретизма. Этот феномен до сих пор играет свою роль в процессе социализации личности. В то же время каждый житель Средней Азии значительное внимание уделяет собственной репутации, определяющей отношение к индивиду в традиционном обществе и за его пределами. В данной работе представлены наблюдения за туркменскими студентами, проходящими обучение за пределами своей страны. Цель работы — показать значение имиджа для среднеазиатской молодежи, место религии в этом процессе и исторические предпосылки соответствующих явлений.

Имидж — мнение об объекте, возникшее в психике группы людей на основе образа, сформированного в результате восприятия определенных характеристик данного объекта [Панасюк 2007]. В среднеазиатских языках также используется иностранное слово «имидж», но наравне с ним существует система терминологии, передающая соответствующее семантическое значение.

В большинстве среднеазиатских языков это заимствованный из фарси термин آبړو [аб(э)ру] (туркм. *abraý*, узб. *obru*, кыр. *абруй*). Дословный перевод этого термина — «вода лица» — на-

прямою связан с глаголом ريختن [рихтан] — проливать (в значении портить репутацию). В этом случае нельзя исключить возможности связи данного понятия с представлением древних иранцев о чистоте стихий. В этом же значении часто используются термины «имя» (туркм. *at*, узб. *nom*, тадж. *ном*), «слава» (узб. *dong*, тадж. *шӯҳрат*, каз. *жақсы атақ* (добрая слава)), «авторитет» (каз. *бедел*), «внешний вид» (туркм. *sypat*, каз. *бейне*) или их комбинации (туркм. *at-abray*). Примечательно, что семантика этих слов выделяет определенные структурные составляющие понятия «имидж». В этой связи интересны и дополнительные значения этих терминов (величина, вес, сила, влияние, кредит, хвала, подобие, облик и пр.).

Следует отметить, что явление создания и поддержания собственного имиджа имеет глубокие исторические корни. В частности, в традиционной туркменской системе общественных отношений XVIII–XIX вв., обычно именуемой “асерhalous community” [Geiss 2005: 7–8], т.е. не имеющей во главе общества ярко выраженного регулирующего института, все отношения коррелируются неписаным правом. При такой системе авторитет старейшин, военных и религиозных деятелей определял степень их влияния на решение жизненно важных вопросов. Безусловно, для общества, в котором религия является одним из столпов мировоззрения и миропонимания, религиозный авторитет, во многом основанный на легитимации традиционной обрядности, уходящей в глубь веков [Демидов 1978: 105–130], являлся определяющим фактором воздействия на социально-экономические и политические процессы, в первую очередь играя роль механизма общественного единения в период Смуты [Россия — Средняя Азия 2011: 33–56]. Однако дальнейшие процессы развития религии, культуры и социально-политической системы привели к изменениям культурного кода (КК).

В частности, В. Клемент считает, что локализация туркмен непосредственно на границе культурных ареалов сыграла свою роль в стремлении подчеркнуть характерные особенности местного КК в рамках более крупных систем. Так, она обратила внимание на стремление туркменских джадидов отмежеваться от концептуальных построений И. Гаспринского путем выделения

характерной фонетической особенности туркменского языка (долгие и краткие гласные) в алфавитной системе [Clement 2005].

В политическом отношении эти изменения относились к взаимодействию администрации Закаспийской области и туркменских предводителей, целью которого было усиление контроля новой администрации края, с одной стороны, и укрепление авторитета местных лидеров — с другой [Ботяков 1995; Международные отношения... 2011: 20–21]. Этот процесс привел к отправке первых туркмен в учебные заведения Российской империи [Гундогдыев 2012: 7–40] и заложил основы для явления, которое особенно ярко проявилось в советский период, — конструирования репутации, направленной, с одной стороны, на сохранение связей в традиционном обществе, а с другой — на продвижение вверх по карьерной лестнице [Ботяков 1995]. В этой связи следует отметить особое умение туркмен приспосабливаться к изменению социально-экономической реальности. Кроме того, традиционные ценности оказывали влияние и на русскоязычное население ТССР, что выразилось, в частности, в раздельном обеде мужской и женской половины семейства во время приема гостей [сообщение информанта].

С конца 80-х годов XX в. происходят очередные изменения КК, обращенные на демонстрацию собственной идентичности, в том числе в языковом, культурном и религиозном плане. Что касается современных туркмен, то на них и процесс построения ими собственного имиджа значительное влияние оказывает процесс глобализации, который связан с развитием экономики и информатизацией.

Что касается современных туркмен, то на них и процесс построения ими собственного имиджа значительное влияние оказывает процесс глобализации, который связан с развитием экономики и информатизацией, что привело к определенному разлому в туркменском обществе.

Нижеописанные аспекты формирования имиджа могут быть направлены на укрепление положения индивида как в традиционном обществе (следует отметить, что туркменское общество консервативно), так и за его пределами.

Культурные феномены и влияние на них глобализации. В данном аспекте следует выделить три феномена: вестернизация, истернизация и неоисламизм. Влияние вестернизации выражается в адаптации западных ценностей, а также в ориентации на мировую массовую культуру. Истернизация выражает себя прежде всего через влияние турецкой и индийской массовых культур. Во многом этот аспект зависит от понятия «мода».

Неоисламизм — явление, выражающееся в «единении уммы» и «адаптации в соответствии с КК исламской цивилизации либеральных ценностей» [Концепции... 2009: 165–180]. Это выражается как в выделении собственной религиозной принадлежности за счет определенного набора показных элементов, так и в распространении некоторых тенденций, развивающихся в исламском мире в последние годы (к примеру, взаимодействие светского и религиозного слоев населения).

Также следует отметить, что традиционная обрядность всегда являлась важной составляющей репутации жителя Средней Азии [Абашин 1999: 87–107]. Один из таких аспектов — паломничество — послужил стимулом для развития так называемого “Zuýarat maksatly suýahatçylyk” (туризма с целью паломничества) [Türkmenistan... 2013: 91–113].

В то же время следует подчеркнуть, что все эти процессы не однонаправленные. Так, продукция традиционного ремесла и национальные орнаменты выходят на мировой рынок, а культовые предметы приобретают новое значение. Например, известный туркменский оберег от сглаза (*alaja*) в настоящее время является элементом светского свадебного ритуала (туркменские молодожены обмениваются кольцами и соответствующим оберегом).

Направленность этих феноменов на формирование имиджа субъекта зависит от его пространственно-временной локализации.

Семейные отношения. Данный аспект, имеющий колоссальное значение для традиционного общества, играет важную роль при конструировании имиджа. Необходимо подчеркнуть не только семейную взаимопомощь, соблюдение определенных половозрастных категорий (у туркмен и казахов — семь возрастных категорий) [Ботяков 2002: 49–50; Кляшторный, Султанов

2009: 334–335]), но и четкую демонстрацию семейной религиозной принадлежности, которая рассматривается как один из элементов национальной культуры. Примечательно, что в смешанных семьях это может быть не только ислам, но и другая религия. Возможна ситуация, при которой «конфессиональный инструментарий» используется для демонстрации почета, символического включения в клан.

Отношение к диаспоре. Еще в советское время туркменские студенты были известны тем, что сохраняли тесные контакты с родиной. Важно отметить, что, уезжая на учебу, туркмены стремятся к объединению преимущественно в рамках локоцентричных сообществ.

Демонстрация своего социального положения. Данный аспект связан с иерархическим построением общества. Поверхностное его изучение демонстрирует аналогию со схожими тенденциями у представителей других евразийских сообществ [Лавровский сборник 2009].

Рабочий имидж. Соответствует появившимся в результате глобализации культурным типам [Концепции... 2009]. Однако может включать некоторые элементы КК (особое отношение к форме презентации проекта, иерархия принятия решений, особая форма проявления уважения к старшим и др.).

Отношение к собственному телу. Известно, что символика тела в традиционном обществе имеет глубокий смысл. Изначально у туркмен подобная символика обладала выраженной семантикой, например женские носовые украшения (*burun halka*) являлись индикаторами семейного положения.

В настоящее время можно наблюдать персонализацию тела у туркмен, т.е. индивид сам распоряжается своим телом, а соответствующие элементы теряют свою семантику, хотя в использовании арабских надписей для татуажа можно усмотреть традицию употребления оберегов (*tumar*) или представление о святости арабского алфавита.

В целом очевидно, что имидж исторически имел важное значение для жителей Средней Азии, поэтому поддержание собственного авторитета играет важную роль в местном КК. При этом конфессиональный аспект, являющийся одним из эле-

ментов мировосприятия, традиционно занимает важное место в формировании имиджа.

В настоящее время многие знаковые элементы утратили прежнее значение, в то же время этот процесс подвергается влиянию глобализации. Если раньше главными критериями авторитета являлись военная слава, религиозный авторитет, соблюдение традиционной обрядности, то на уровне исторической современности можно говорить о комплексе аспектов, способных адаптироваться к изменению локализации субъекта в пространственно-временном континууме.

Библиография

Абашии С.Н. Вопреки «здравому смыслу»? (К вопросу о «рациональности/иррациональности» ритуальных расходов в Средней Азии) // Вестник Евразии. М., 1999. № 1–2.

Ботяков Ю.М. Некоторые аспекты традиционной политической культуры туркмен (XIX–XX вв.) // Этнические аспекты власти. СПб., 1995.

Ботяков Ю.М. Аламан: социально-экономические аспекты института набега у туркмен (середина XIX — первая половина XX в.). СПб., 2002.

Гундогдыев О.А. Боевой путь Текинского конного полка (1914–1918 гг.). Ашхабад, 2012.

Демидов С.М. Суфизм в Туркмении (эволюция и пережитки). Ашхабад, 1978.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени. СПб., 2009.

Концепции современного востоковедения. СПб., 2009.

Лавровский сборник (материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008–2009 гг.). СПб., 2009.

Международные отношения в Центральной Азии (события и документы). М., 2011.

Панасюк А.Ю. Имидж: Энциклопедический словарь. М., 2007.

Россия — Средняя Азия: в 2 т. М., 2011. Т. 1: Политика и ислам в конце XVIII — начале XIX в.

Clement V. Rewriting the “Nation”: Turkmen Literacy, Language and Power, 1904–2004. Ohio, 2005.

Geiss P.G. Pre-Tsarist and Tsarist Central Asia: Communal Commitment and Political Order in Change. L.; N.Y., 2005.

Türkmenistan — suýahatçylygyň ülkesi. Aşgabat, 2013.